

Помещение под лавку, примыкающее к соседней лавке с баоцзы, было довольно просторным и занимало целую комнату. Когда Ли Чжоучжоу приводил дом в порядок, он не обошел вниманием и эту часть: стены здесь были свежевыбелены и сияли чистотой.

Прежний жилец торговал тут тканями, используя одну комнату как лавку, а другую — как склад. Теперь этот «склад» стал их с мужем спальней.

Дверь лавки выходила на боковую стену кухни, а окна были маленькими, поэтому света здесь вечно не хватало, из-за чего комнату до поры оставили пустой. Та её стена, что смотрела на улицу, состояла из широких деревянных панелей, вставленных в пазы — обычное дело для городских заведений: когда лавка открывалась, панели снимали, а на ночь ставили обратно.

Стоило убрать эти доски, как помещение заливал яркий свет. Лучшего места для своего дела и не придумать.

Ли Чжоучжоу постоял внутри, прислушиваясь к доносящимся из-за стены крикам зазывал и звону монет. В душе шевельнулась невольная зависть: пока он здесь находился, за баоцзы и маньтоу к соседям заглянуло уже пятеро покупателей.

Отправившись за покупками, юноша стал внимательнее приглядываться к заведениям на Гранатовой улице. Оказалось, что съестные лавки бывают разными. Маленькие точки, вроде соседской, занимали всего одну комнату и обходились без печей в торговом зале. А вот заведения, где подавали вонтоны или лапшу, требовали уже две комнаты: там и очаг стоял, и столы со скамьями, и посуду нужно было постоянно мыть.

«Так посмотришь — продавать баоцзы и маньтоу навывнос куда проще», — рассудил он.

К тому же порция лапши или вонтонов стоила на две-три монеты дороже, а это — лишние расходы для покупателя.

Лавка семьи Чжан, торговавшей уксусом, тоже занимала всего одну комнату. В глубине двора хозяева его заквашивали, а впереди стояли полки и огромные чаны. Владелец лишь разливал товар да принимал деньги — чисто и степенно.

Ли Чжоучжоу решил, что его дело должно быть похоже именно на такое: чтобы не бегать между передним и задним двором, а управляться в одиночку — и товар готовить, и деньги считать. Лапшичная же требовала слишком много рук, а у него их всего две.

Отец вернется лишь в седьмом месяце, нельзя же эти два месяца просто сидеть сложа руки.

С завистью глядя на нескончаемый поток покупателей, Ли Чжоучжоу вспоминал жизнь в

деревне. Там люди считали каждую монету и никогда бы не купили то, что можно приготовить дома. Но городские жили иначе: за эти дни он убедился, что здесь на каждый товар найдется свой купец.

В голове уже зрел план, но он решил еще немного осмотреться — нет ли поблизости чего-то похожего.

На Гранатовой улице торговали всякой всячиной: от овощей до мелкой утвари. Улица, где находилась книжная лавка, была полна изящества: благовония, румяна, готовое платье, украшения. Пройдя чуть дальше, Ли Чжоучжоу издали завидел величественное здание с двумя каменными львами у входа и стражей. Поняв, что это управа округа, он поспешил обойти её стороной.

Дальше пошли харчевни, постоянные дворы и даже роскошные рестораны. Один из них, в два этажа, распахнул все четыре двери. Зазывалы приглашали гостей, а к крыльцу то и дело подкатывали богатые экипажи, крытые атласом и шелком. Ли Чжоучжоу не знал названий тканей, но выглядело всё крайне внушительно.

Осмотрев все съестные лавки, он не нашел ни одной, где бы торговали потрохами в пряном рассоле — лувэй. И тогда он окончательно утвердился в своем решении. В деревне он часто готовил котел таких потрохов, и отец со сягнуном уплетали их за обе щеки. Хоть с рисом, хоть с маньтоу, а на следующий день остатки можно было добавить в лапшу с капустой — пальчики оближешь.

Готовить удобно, к любому основному блюду подходит, да и с торговцами на Гранатовой улице соперничать не придется.

Раньше он просто не думал в эту сторону. По старой деревенской привычке юноше казалось, что какими бы вкусными ни были потроха, это всё же требуха, которую в деревне ели лишь от нужды. Что уж говорить о богатых горожанах?

Но теперь Ли Чжоучжоу понял, что ошибался. Деревенские тоже не любили тратить деньги на покупные баоцзы, считая это баловством, однако в городе такие лавки процветали.

«Любят горожане это или нет — не узнаю, пока не попробую», — решил он.

Помещение есть, потроха стоят гроши, времени у него в достатке. Убытков почти никаких. Осталось только посоветоваться со сягнуном о цене.

Возвращаясь, он не стеснялся заглядывать в лавки и спрашивать цены. Постное стоило дешево, а то, в чем было хоть немного мяса — на пару монет дороже. Но потроха всё же не считались настоящим мясом, так что тут нужно было всё хорошенько взвесить и обсчитать.

За раздумьями путь пролетел незаметно, и Ли Чжоучжоу обнаружил, что прогулка заняла у него почти час. Время обеда уже прошло, и он, немного поколебавшись, решился зайти в лавку вонтонов к соседям Ма.

«Попробую-ка я, как люди готовят», — подумал он.

Лавкой заправляла чета — на вид чуть моложе госпожи Чжан, лет двадцати пяти-шести. Детей при них Чжоучжоу ни разу не видел.

— Вонтоны с мясом — шесть вэней миска. Будете брать лепешку с кунжутом? Одна монета, — спросила хозяйка.

Ли Чжоучжоу кивнул.

— Сейчас подам. — Невестка Ма принялась варить вонтоны, попутно кликнув мужа, чтобы тот достал свежую выпечку. — Лепешки хороши, только когда с пылу с жару. Ты ведь из дома по соседству? С полмесяца назад заехали?

— В середине четвертого месяца, — с улыбкой ответил он. — Сначала ремонт, суета, вот только недавно и обустроились. Меня зовут Ли Чжоучжоу.

Хозяйка тоже улыбнулась:

— Мой муж из семьи Ма, так что зови меня просто — невестка Ма.

На вывеске лавки так и значилось: «Вонтоны и лепешки семьи Ма».

— А моего сянгунa фамилия Гу, — добавил Чжоучжоу.

— Знаю-знаю! — закивала невестка Ма. — Про господина Гу-сюэя у нас в переулке все слышали. Соседство с ученым человеком — это большая удача, на всех нас его ученая благодать падет.

Вонтоны были готовы. Тонкое, почти прозрачное тесто скрывало начинку размером с фалангу большого пальца. Из миски поднимался аппетитный аромат, а бульон имел приятный молочный оттенок. Ли Чжоучжоу сразу понял: варили на костях, не иначе.

— Осторожно, горячо. А вот и лепешка.

Миска была большой, вонтонов в ней оказалось штук десять. Кунжутная лепешка, румяная и хрустящая, лежала в плетеной корзинке.

Ли Чжоучжоу зачерпнул ложкой один вонтон.

«Вкусно!»

В начинке чувствовались лук и капуста, а еще что-то хрустящее, похожее на дробленый арахис. Бульон был наваристым, но совсем не пах сырым мясом — напротив, был очень свежим и ароматным. Лепешка размером с ладонь рассыпалась при каждом укусе на множество хрустящих слоев. Чжоучжоу и сам умел печь, но так мастерски работать со слоеным тестом у него не получалось. Внутри не было начинки, но чувствовался мясной дух и легкая солоноватость, которая в сочетании с кунжутом давала дивный маслянистый вкус.

Всё — от вонтонов до лепешек — было гораздо тоньше и богаче вкусом, чем домашняя еда.

«Немудрено, что люди за это платят, — подумал он. — Если готовить кое-как, никто и монеты не даст».

Невестка Ма с улыбкой спросила:

— Ну как тебе?

— Очень вкусно, — искренне похвалил Ли Чжоучжоу.

Он заметил, как ведут себя эти люди: будь то госпожа Чжан, тётушка Сюй или невестка Ма — на лицах всегда приветливая улыбка. Сама лавка сияла чистотой: хозяйка в свободную минуту то и дело протирала столы, но никогда не бралась за метлу, пока в зале сидели гости, чтобы не поднимать пыль.

— Твой сянгун ведь в Академии Цинпин учится? — как бы невзначай спросила невестка Ма.

Конечно, она знала — Гу Чжао уже десять дней мелькал в своей форме. Просто искала повод для беседы.

— Да, в третьем месяце сдал экзамены, — подтвердил юноша.

— С виду он совсем молодой. С первой попытки, поди, прошел? — поинтересовалась женщина.

Прежде чем Чжоучжоу успел ответить, из-за печи вышел муж хозяйки — невысокий, даже ниже Ли Чжоучжоу, и довольно щуплый. Невестка Ма пояснила:

— У нас младший брат мужа тоже в ученые метит. Мы сами-то из деревни под городом...

— Моему сынгуну девятнадцать, сдал с третьего раза.

— Ох, какой молодой, а уже господин сюцай! Большое будущее его ждет, — не поскупилась на похвалу соседка. — А нашему-то всего десять, три года в деревне проучился, этой весной пробовал сдать на... как его...

— На туншэна, — подсказал Чжоучжоу.

— Точно-точно, на туншэна! Да вот не вышло, провалился, — сокрушалась невестка Ма.

— Учение — дело долгое, не стоит спешить. В следующий раз непременно повезет, — вежливо отозвался он.

Супруги Ма просияли от этих добрых слов и, пожелав гостю приятного аппетита, оставили его заканчивать трапезу. Ли Чжоучжоу доел всё до последней капли, расплатился и спросил у хозяйки:

— Не подскажете, где здесь можно купить свежее мясо подешевле?

— Иди на запад, — охотно отозвалась та. — Видишь переулок напротив? Срежь через него, выйдешь на главную улицу. Пройдешь ли три-четыре, там и будут мясные ряды. Мы сами там берем — каждый день свежий забой, всё чистое.

Поблагодарив невестку Ма, Ли Чжоучжоу отправился домой. Семь взней — немалые деньги за один обед, но он оправдывал себя тем, что теперь не занят тяжелым трудом на поле. Дома он вымыл лицо и руки и сел за стол — практиковаться в письме.

«Чжао» — иероглиф, который вчера показал ему муж.

Он прописал его несколько десятков раз на черновике, пока рука не перестала дрожать, и лишь тогда перешел к прописям. Первый знак вышел кособоким, но второй уже был гораздо аккуратнее.

Академия Цинпин.

Гу Чжао вернул книгу Чжэн Хуэю. Тот изумился:

— Ты что, за одну ночь всё прочитал? Не может быть, я сам и то медленнее читаю!

— Я не засиживался допоздна, — он постучал пальцем по обложке «Сборника стихов Бессмертного Журавля». — Просто мне не понравилось.

Чжэн Хуэй чуть не подпрыгнул:

— Как — не понравилось?! Это же такая пронзительная, чистая история любви! Тебя разве не тронули страдания Чжоу-лана, когда его избивали?

Гу Чжао промолчал, но его лицо выражало скепсис. Видя, что его любимый роман не оценили, Чжэн Хуэй загорелся желанием разобрать книгу по главам и доказать её гениальность. Его пыл остудил лишь Янь Цзиньсинь, напомнив, что скоро прозвенит колокол.

— Еще есть время! Я должен втолковать Гу Чжао, в чем суть! — упорствовал Чжэн Хуэй.

Едва прозвенел звонок с последнего утреннего урока, однокурсник схватил свою книгу и с видом праведного судьи заявил:

— Пошли обедать! Будем есть, и я тебе всё объясню. Ты, верно, читал по диагонали, вот и не понял всей прелести.

Гу Чжао вздохнул. Похоже, Чжэн Хуэй всё утро вместо уроков обдумывал, как бы покрасивее «продать» ему этот сюжет.

— Идем, — сдался он.

Янь Цзиньсинь шел рядом, сохраняя суровое выражение лица. Ему явно претило, что его товарищи тратят время на подобную макулатуру.

«Если они продолжают в том же духе, нам не по пути», — думал отличник.

Усевшись за обед, Гу Чжао заговорил первым:

— Признаю, я прочел начало, пролистал середину и заглянул в конец. Возможно, я упустил какие-то детали.

— Вот видите! — обрадовался Чжэн Хуэй. — Сейчас я вам всё растолкую.

— Брат Чжэн, я скажу тебе честно, как другу, — прервал его Гу Чжао. Он не хотел юлить. — И не стану читать нотаций о том, что мы здесь ради знаний, а романы — это пустая трата времени. Мы взрослые люди и сами понимаем цену своим поступкам.

Чжэн Хуэй перестал улыбаться, но кивнул, готовясь слушать. Раньше его друзья либо льстили ему, чтобы погулять на его деньги, либо высокомерно поучали, называя никчемным бездельником.

— Вы оба знаете, что у меня есть муж, — начал Гу Чжао.

Чжэн Хуэй опешил. При чем тут это? Янь Цзиньсинь тоже перестал жевать и внимательно посмотрел на соседа.

— Я вошел в семью Ли как муж-зять. Я — чжуйсуй.

Повисла тишина. Оба товарища уставились на него, ожидая увидеть на лице Гу Чжао тень стыда или неловкости. Но он был спокоен.

— И не думайте лишнего, — усмехнулся он. — Семья Ли вовсе не богата. Это простые деревенские люди, честные и трудолюбивые, которые годами копили каждую монету. Моя «родня по мужу», так сказать...

Гу Чжао и глазом не моргнул, а вот Чжэн Хуэй заметно смутился, в его взгляде смешалось недоумение с чем-то похожим на уважение.

«Признать себя „невесткой“ в мужском обличье перед всеми... На такое мужество нужно иметь», — подумал Чжэн Хуэй.

— Мои собственные родители — такие же крестьяне. Мы не голодали, но и лишнего не имели. Янь-сюн это знает, — Гу Чжао кивнул в сторону Янь Цзиньсиня.

Тот молча подтвердил.

— Почему я пошел в примаки — история долгая и к делу не относится, — Гу Чжао указал на книгу на столе. — Суть в том, что и я, и мой супруг — люди простые. А этот твой герой-студент... Он ведь просто ищет легкий путь к славе за счет дочери чиновника. И мне противно об этом читать.

Чжэн Хуэй попытался возразить:

— Но ведь он любит её! Он пренебрегает титулами ради чувств!

Гу Чжао перебил его:

— Если он пренебрегает титулами, откуда он знает, что её отец — чиновник второго ранга?

Если барышня из знатного дома идет в храм, настоятель закроев его для посторонних мужчин. Как же наш «бедный студент» так удачно забрел именно в задний дворик для дам?

— И еще, — продолжил он. — Ему уже за двадцать, он едет в столицу. У нас с вами в этом возрасте уже есть семьи. Неужто у этого «красавца» нет жены в родной деревне?

Чжэн Хуэй, дочитавший до конца, тихо вставил:

— Есть жена. Но потом он и на барышне женился, сделав их равными женами. Он ведь не бросил свою суженую...

— Вот это и есть самое мерзкое, — отрезал Гу Чжао.

Теперь и Чжэн Хуэй засомневался. Поступки героя, которые раньше казались ему благородными, в свете слов Гу Чжао выглядели двуличными.

— Сделать знатную барышню равной женой деревенской простушке? Да какой высокопоставленный отец это стерпит! — возмутился он. — В деревнях, может, и нет дворцовых интриг, но словом человека зашибить — дело плевое. Превжняя законная жена вмиг станет посмешищем. Пока все будут восхищаться «великодушием» барышни и «верностью» студента, кто подумает о той женщине? Ей будут в лицо говорить: «Твой муж тебя из милости не выгнал, кланяйся ему в ноги. Была бы умнее — сама бы ушла, не мешала бы такой красивой паре».

Чжэн Хуэй пробормотал:

— Там служанка что-то такое сказала, так барышня её по лицу ударила...

— Если бы барышня и впрямь была строга, служанка бы и рта не раскрыла при жене, — Гу Чжао отодвинул тарелку. — Я, Гу Чжао, с такими «героями» дружбы не вожу. Даже на бумаге.

Чжэн Хуэй сидел как громом пораженный. Он листал свой роман, и каждое слово теперь казалось ему фальшивым.

— Брат Чжао, — торжественно произнес Янь Цзиньсинь, поднимая чашку с водой. — Отныне ты — мой истинный друг.

Гу Чжао лишь моргнул.

— Ну, ладно, по рукам.

Они чокнулись чашками под аккомпанемент глубоких раздумий Чжэн Хуэя. Позже, когда и тот пришел в себя, завязался честный разговор. Янь Цзиньсинь признался, что тоже женат на гэ'эре, и хоть он считает своим долгом служить стране и никогда не предаст супруга ради карьеры, он никогда бы не решился вот так открыто заявить о своем браке в академии.

«Гу Чжао — настоящий благородный муж», — подумал отличник. Он вдруг осознал, что сам всё еще стыдится своего происхождения и своего скромного семейного очага.

Гу Чжао же просто хотел показать, как он дорожит Чжоучжоу, и не думал, что его слова произведут такой эффект. Для него не было ничего постыдного в любви к своему мужу.

После занятий Гу Чжао застал Ли Чжоучжоу за кормлением кур.

— Ну что, ученик Ли, повторял сегодня уроки?

Тот просиял, поставил миску и забрал у мужа сумку:

— Целый час занимался, сянгун. Всё запомнил!

— Умница, — Гу Чжао чмокнул его в щеку. — Это тебе награда от учителя.

Ли Чжоучжоу рассмеялся:

— Иди мой руки, ужин готов.

На ужин была жидкая каша из маша, мясные лепешки и салат из огурцов. В жару такая еда была в самый раз — и сытно, и не тяжело. Муж уплетал за обе щеки, запивая лепешки прохладным отваром.

После ужина, пока на улице еще не совсем стемнело, Гу Чжао проверил прописи супруга. Иероглиф «Чжао» был выведен старательно и четко.

— Прекрасно. Сегодня выучим еще два знака: «Гу» и «Чжоу». Знаешь, что они значат?

Ли Чжоучжоу вспыхнул. Конечно, знал — это их фамилии. Муж снова его поцеловал, и они принялись за дело. Урок длился до самых сумерек. Когда зажгли лампу, Гу Чжао заворчал:

— Эх, была бы у нас купальня...

Умываясь под навесом во дворе, он засмотрелся на сарай, стоящий рядом с кухней. Часть его была завалена дровами и старым инструментом, но добрая половина пустовала.

— Сянгун, ты чего там в дверях сарая застыл? — спросил Чжоучжоу.

— Послушай, — Гу Чжао прикинул размеры. — Если мы разделим это помещение перегородкой, то в одной части останутся дрова, а в другой можно сделать отличную купальню. Прорубим дверь — и будет у нас свое место для мытья. А то ты вечно на кухне ютишься.

Ему было не по себе от мысли, что его Чжоучжоу приходится мыться там, где готовят еду. И хоть в деревнях это было в порядке вещей, здесь, в городе, Гу Чжао обуяло чувство собственности — не дай бог кто подсмолит.

— Это несложно, я завтра же всё сделаю, — отозвался Ли Чжоучжоу.

— Не торопись. Дождемся отца, купим кирпич, а то без телеги мы надорвемся эти тяжести таскать.

Заперев дом, они легли в постель. Гу Чжао вполголоса читал «Троесловие», объясняя смысл каждой фразы, и перебирал пальцы супруга. Он думал, что Ли Чжоучжоу уже засыпает, но, обернувшись, встретил его ясный, полный дум взгляд.

Он легонько пощекотал супруга за талию — в этом месте тот был особенно чувствителен. Юноша тут же охнул и попытался отстраниться:

— Не надо, сянгун, щекотно!

Голос его звучал мягко и тягуче, и Гу Чжао почувствовал, как в горле пересохло.

— Признавайся, о чем думаешь? А то не перестану щекотать.

— Скажу, скажу... — Ли Чжоучжоу прильнул к нему, прячась от шаловливых рук.

— Я хочу открыть свое дело. Как ты на это смотришь?

Гу Чжао серьезно посмотрел на него:

— Рассказывай. Я слушаю.

Ли Чжоучжоу, воодушевленный поддержкой, заговорил быстрее:

— Я весь день об этом думал. Хочу продавать лувэй в нашей пустой комнате, что выходит на улицу. Я сегодня всё обошел: на Гранатовой и до самой управы никто таким не торгует. В ресторанах, может, и есть, но это другое...

Он вспомнил про известковую побелку: в деревне её не знали, а в городе — повсюду. Так и с потрохами.

— Здорово! — искренне восхитился Гу Чжао. — И как ты только додумался?

— Опять ты меня дразнишь...

— Вовсе нет. Мне и в голову не пришло, что на этом можно заработать.

Чжоучжоу просиял. Если муж одобряет — значит, дело верное.

— Завтра схожу в мясные ряды, о которых невестка Ма говорила. Буду ходить туда по утрам, пока ты в академию собираешься. К обеду потроха уже будут готовы, а там и торговать начну. Соседи смогут приходить со своими мисками, брать еду домой к ужину. Нам и столы со скамьями внутри не понадобятся.

— Дельно, — кивнул муж. — Только стол всё равно нужен, чтобы чаны с потрохами на нем расставить. Начни с малого, попробуй.

— Я так и хотел.

— Через пару дней у меня будут выходные, я помогу тебе обустроить лавку.

— Да что ты, сянгун, я сам стол перетащу... — начал было Ли Чжоучжоу.

Но Гу Чжао уже превратился в капризного ребенка, зарываясь лицом ему в плечо:

— Ну я тоже хочу поучаствовать! Хочу вместе с тобой открывать лавку!

Ли Чжоучжоу крепко обнял его и вдруг замер:

— Сянгун... Ты никак подрос?

Муж, который в своих мыслях был всё еще маленьким и беззащитным, осекся. Он поднял на супруга свои невинные глаза:

— Что, я стал слишком большим? Ты меня больше не любишь?

— Глупости не говори. Ты стал выше, сильнее, я только радуюсь этому. Разве можно разлюбить за то, что ты вырос?

— Не верю, — продолжал паясничать Гу Чжао. — Поверю, только если ты меня поцелуешь. И докажешь, как сильно любишь.

Ли Чжоучжоу вспыхнул. Он прекрасно знал, о каком доказательстве идет речь.

— Хорошо...

Ночью Ли Чжоучжоу, обессиленный, лежал в объятиях мужа. Он прикрыл глаза, а рука его невольно легла на живот.

«Столько всего в себе удержал... Почему же плод всё никак не завяжется?» — с тихой грустью думал он.

Гу Чжао ласково погладил его по плечу:

— Спи, милый. Завтра не вставай спозаранку, я сам схожу за маньтоу на завтрак.

Тот хотел было возразить, что это лишние траты, но усталость взяла свое. Вспомнив, как тяжело ему бывало в поле, Ли Чжоучжоу подумал:

«Может, потому и не получается зачать, что я слишком изнуряю себя работой? Теперь буду больше отдыхать».

— Хорошо, сянгун.

Утром Гу Чжао, как и обещал, сам принес завтрак, дав супругу поспать лишний час. Уходя в академию, он еще раз напомнил:

— Отдыхай больше. Не вздумай надрываться.

Он едва успел к началу занятий. Чжэн Хуэй сидел на своем месте и даже не взглянул в его сторону. Гу Чжао лишь кивнул ему, но тот, казалось, не заметил.

«Ну и ладно, в обед поговорим», — решил он.

Но когда прозвенел звонок на перерыв, Чжэн Хуэй пулей вылетел из класса.

— Брат Чжэн! Постой! — крикнул Гу Чжао, протягивая руку.

Не хватало еще, чтобы их дружба рассыпалась из-за какой-то книжонки. Нужно было во всём объясниться.

<http://bllate.org/book/15349/1428099>